

УДК 281.9.003.1

ПРАВОСЛАВИЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Чуешов В.И.

Государство и общество сегодня видят в предпринимательстве влиятельную экономическую силу. Изучение ее мировоззренческих основ – важная задача современного гуманитарного знания. В ее решении можно выделить три относительно самостоятельных направления. В основе их выделения лежит тот известный факт, что базовыми историческими типами мировоззрения являются мифология, религия и философия.

В современной научной литературе мифология, религия и философия предпринимательства изучены неравномерно. Обстоятельное исследование мифологических и философских основ предпринимательства, однако, не исключает поиска новых ориентиров в уже вроде бы хорошо вспаханном поле проблем связей предпринимательства с религией. Религиозное мировоззрение – важнейшая форма современного практического сознания. Оно складывается из диалогических отношений религии с миром и самой собой. Это мировоззрение стимулирует и замедляет движение локомотива истории. Религиозное мировоззрение имеет разнообразные связи с государственными институтами, системой образования, воспитания, традициями и т.п. Оно влияет на жизнь также и через те различия и противоречия, которые существуют внутри самого религиозного мировоззрения.

Религия организована конфессионально. В наши дни научная формулировка тезиса о ее влиянии на предпринимательство обычно является продолжением классического исследования немецкого ученого М.Вебера. Веберовский анализ роли религиозного мировоззрения, в особенности протестантизма, в формировании предпринимательства остается и сегодня важнейшей парадигмой в теории и дидактике предпринимательства. По сравнению с протестантизмом роль других христианских конфессий в теории и практике предпринимательства, например, католицизма и православия, изучена гораздо меньше. Во многом это объясняется очень сложным типом связей католицизма и православия с бизнесом.

Учитывая то обстоятельство, что в современной Беларуси более 80 процентов верующих считают себя православными, вопрос о связи православия с предпринимательством имеет для нас особый теоретический и практический смысл. В его окончательном решении существенным подспорьем могло бы стать исследование трех взаимосвязанных друг с другом задач. А именно: критики проведенного М.Вебером анализа протестантских основ предпринимательства; прояснения смысла концепции взаимосвязи бизнеса и католицизма; и, наконец, выделения идейного стержня современного православного восприятия предпринимательства.

Согласно Веберу, благоприятной почвой для формирования предпринимательства является система капиталистического хозяйства. Ее опорами являются и отношения товарного обмена, вовлекающие в свою орбиту свободный труд; и стремления субъектов хозяйствования к получению прибыли; и соблюдение ими цивилизованных, выраженных на юридическом языке правил поведения. Прибыльное хозяйствование предполагает ведение его субъектом строгого учета расходов и доходов. Оно связано не только с правильным использованием техники счета, но и «двойной бухгалтерии», и даже более того - общего рационального миропонимания. Для Вебера суть предпринимательства состоит в соединении жадности наживы (алчности) агента хозяйствования с принципами рационального

(капиталистического) действия и поведения. Предприниматель потому-то и является предпринимателем, что, в отличие от других людей, умеет видеть в деньгах субстанцию, порождающую новые деньги. Он, говоря иначе, не является библейским персонажем, который зарывал свой талант (деньги) в землю, а время для него деньги не в переносном, а в буквальном смысле слова. Соединяя разнообразные качества предпринимательства в одно целое, Вебер полагал, что наиболее точно им соответствует мировоззрение (этика) протестантизма.

Развивая дальше веберовскую парадигму взаимосвязи предпринимательства и религии, можно двигаться в двух направлениях. Во-первых, можно попытаться углубить понимание тех, присущих предпринимательству свойств, которые отличают его от других видов деятельности. Но можно поступить иначе и, не касаясь этих свойств, во-вторых, проанализировать условия и причины совместимости (несовместимости) предпринимательства и различных видов религиозного мировоззрения.

Двигаясь в первом направлении, современные ученые чаще всего обращают внимание на узость веберовского истолкования специфики предпринимательства. Й. Шумпетер, например, настаивал на том, что предпринимательство невозможно без духа инноваций, и, следовательно, предполагает у его агента наличие, как смелости, так и особого жизненного опыта. Другие исследователи критиковали веберовское соединение бизнеса и протестантизма за осуществляемое в нем обеднение смысла предпринимательской рациональности, сведение ее только к юридическим моментам. При делении без остатка предпринимательской рациональности на требования юриспруденции из анализа, безусловно, выпадали важные политические аспекты предпринимательства, его связи с демократией (М. Новак). Продолжая последнюю линию критики Вебера, от себя важно добавить следующее. Современный анализ предпринимательства предполагает обязательное изучение его взаимоотношений с тоталитаризмом. Если присущий предпринимательству дух инноваций в его, по крайней мере, обыденной, повседневной форме, во время Вебера и можно было если и не доказать, то достаточно точно указать, то связи предпринимательства с тоталитаризмом даже талантливому Веберу рассмотреть было невозможно. Тоталитаризм стал заметной социальной силой только после смерти немецкого социолога.

Понятие тоталитаризма вошло в культурный оборот в 30-е гг. XX века. Оно использовалось для обозначения социальных порядков в Италии, Германии и СССР. Для одного из самых первых критиков нацистского государства Э. Юнга тоталитаризм базировался на пролетаризации и бюрократизации общества. Другой немецкий ученый Ф. Борхенау видел в тоталитаризме однопартийную политическую систему. Проницательный Ф. Хайек фиксировал уже схожесть порядков в Германии и СССР 40-х гг. XX века, полагая, что тоталитаризм, коллективизм, социализм – явления однопорядковые.

Попытки отождествить тоталитаризм с определенной политической системой, предпринятые исследователями в 40-е годы, в 50-е годы XX в. уступили место его анализу как особого социального организма.

Для одного из теоретиков пятидесятников – К. Дейча тоталитаризм уже был таким социальным организмом, в котором жесткое государственное управление и партийное руководство дополняется мобилизацией масс. Согласно Х. Арендт, тоталитаризм – массовое общество, состоящее из атомов-индивидов, каждый из которых утратил интерес к собственному бытию.

В направлении систематизации указанных учеными в 40-е и 50-е гг. свойств тоталитарного социального организма двигалась мысль американских исследователей К. Фридриха и З. Бжезинского. В 60-е годы они ввели в оборот как бы итоговое понятие тоталитарного синдрома. С его помощью можно было определять наличие элементов тоталитаризма в конкретной стране, образе жизни и мысли ее подданных.

Фридрих и Бжезинский полагали, что если обществу присуща идеологизированная политическая организация, которая контролирует все его сферы; если в нем существует единственная массовая политическая партия, доступ в которую является ограниченным; если его жизнь контролируется с помощью террора; если в нем средства массовой информации монополизированы; если монополизированы также его экономика и военная сферы, то можно сказать, что оно является тоталитарным. Эти шесть указанных Фридрихом и Бжезинским признаков тоталитарного общества широко используются в современной научной литературе, в которой, к сожалению, еще два свойства тоталитаризма, указанных американскими теоретиками, обычно остаются в тени. Это, во-первых, связь тоталитаризма с массовой демократией, ее аккламаторными формами, и, во-вторых, опора тоталитаризма на современные технологии (в 40-50-е гг. говорили о радио, а позже о телевидении, а сегодня можно было бы добавить сюда и Интернет). С помощью этих коммуникативных технологий достигается не только обезличивание масс, но и подавление политической оппозиции.

«Монополия», «идеология», «контроль», «террор» - ключевые для тоталитарного мировоззрения понятия являются явными антиподами идейно-словесного аккомпанеента предпринимательства, состоящего из совсем других ценностей - выбора, конкуренции, свободы и т.п. Следовательно, расширение веберовского понимания особенностей предпринимательства подводит нас к важной констатации анти-тоталитаристского духа бизнеса. И все же, несмотря на очевидную мировоззренческую несовместимость предпринимательства с тоталитаризмом, их реальные взаимосвязи не стоит упрощать. Не следует забывать, к примеру, не только о существовавшей в фашистской Германии практике бизнеса, но и о «цеховиках» в сталинском СССР. Объясняются эти факты существования предпринимательства в море тоталитаризма, по-видимому, не только тем обстоятельством, что практически тоталитаризм не бывает всеохватывающим. Важно другое. При выполнении предпринимателями определенных идеологических условий, тоталитарная машина может «закрывать глаза» на политически лояльные по отношению к нему виды свободной экономики. Вопрос, следовательно, может заключаться лишь в том, а соответствует ли данное «закрывание глаз» сути тоталитаризма, или, наоборот, оно является для него скорее исключением из правила. Специальные исследования тоталитаризма, проведенные в 40-60-х гг. прошлого столетия убеждают нас в справедливости именно последнего вывода.

Если о формировании тоталитаризма М.Вебер мог, в лучшем случае, догадываться, то идейная несовместимость предпринимательства с католицизмом для него была очевидной. Обосновывая ее, немецкий ученый апеллировал как к истории философии, так и к здравому смыслу.

Официально признанной философией римско-католической церкви является учение Фомы Аквинского. В своем творчестве Аквинат опирался на этико-политическую доктрину Аристотеля. Важнейшим принципом аристотелевской этико-политической философии было требование «золотой середины». Согласно этому требованию, алчность и прибыль, с одной стороны, равно как и аскетизм, поддержание существующих порядков, с другой стороны, являются крайностями, такими же, как монархия и демократия. Избегать крайностей необходимо, учил Аристотель, не только в силу диалектических (теоретических), но и практических (этико-политических) соображений. В самом деле, для обычного человека достойно быть не столько презренным трусом или отважным героем, сколько осторожным мужественным человеком. Вскрывая практические изъяны монархии и демократии, Аристотель устремлял свои взоры к среднему классу. Нельзя не согласиться с Вебером в том, что теоретико-практическое избегание Аристотелем крайностей основывалось на принципах идеологии и мировоззрения традиционализма.

Своеобразную аргументацию традиционализма Вебер нашел и в работах Фомы Аквинского.

Классик католической философии, истолковывая слова апостола Павла о том, что, кто не хочет трудиться, тот не должен есть, подчеркивал, что они адресованы всему человеческому роду, а не отдельному человеку. Согласно Веберу, Аквинат защищал при этом не «сырых и убогих», но священнослужителей и идеологов христианства. Фома Аквинский был убежден в том, что существует иерархическая (статусно-ценностная) система человеческой деятельности (в том числе и хозяйствования). В ней одни виды труда, например, деятельность епископа, являлись более престижными и высокими по сравнению с другими, скажем, с занятиями ростовщика. И Аристотель, и Фома Аквинский, фактически, обосновывали мировоззрение традиционализма как разумного консерватизма. Очевидно, что по отношению к предпринимательству разумный консерватизм не является абсолютной противоположностью. Чего не скажешь о других формах традиционализма, например, о житейском католическом традиционализме. Иллюстрируя эту мысль, Вебер привел следующий весьма показательный пример. В начале XX века в Германии в экономике в качестве рычага, повышающего ее производительность, использовалась сдельная оплата труда. Несмотря на рациональность лежащих в ее основе предпосылок, сдельщина, взаимодействуя с мировоззренческим консерватизмом экономических агентов, давала иррациональный эффект. Работники при введении сдельной оплаты труда могли не повышать, а уменьшать производительность труда.

«Жнец, - писал Вебер, - который при оплате его труда в 1 марку за морген убранный площади ежедневно жнет 2,5 моргена, зарабатывая, таким образом, 2,5 марки в день. После повышения оплаты его труда на 25 пфеннигов за морген он стал жать вместо предполагавшихся 3 моргенов, что дало бы ему теперь 3,75 марки в день, лишь 2 моргена, получая те же 2,5 марки в день, которыми он по библейскому выражению «довольствовался» (1). Соединение мировоззрения предпринимательства с ценностями католицизма предполагало не столько подбор соответствующих цитат из Священного писания, которые оправдали бы их связь, сколько объективную социальную модернизацию католицизма, пересмотр такой его мировоззренческой предпосылки, как обыденный традиционализм.

Обыденный традиционализм отечественного православия в силу ряда известных исторических причин был не ниже, если не выше традиционализма, присущего католицизму. Процесс заимствования православия на Руси в его уже достаточно развитой и сформированной византийской форме, высокий удельный вес в нем догм раннего христианского мировоззрения, та же апология бесребреничества и порицание богатства не могли не отливаться в форму традиционализма высокой пробы. Поясняя эту мысль, сошлемся на мнение церковного теоретика. «Невооруженному глазу следующая картина бросается в глаза: в то время как Православная Церковь остается верной, чистой Христова и Апостольского благовестия, западный мир все более отходит от этой основы Благой Вести, которая была и навеки остается сущностью христианской проповеди: «Мы видим и свидетельствуем вам новую Жизнь», и «Возвещаем вам сию Вечную жизнь, которая была у Отца и открылась нам», и «Мое царство не от мира сего» (2).

Церковным апологетам высокого традиционализма православия вторят многие внецерковные исследователи. Они также обращают внимание на свойственные православию позитивные оценки не только сироты, убогости, в том числе и юродства, но и бедности, сохранения существующего статус кво. Эти, так сказать, мировоззренчески заостренные формы вне - или даже антипредпринимательского духа православия не раз и не два в истории России становились ареной идеологического противоборства. Например, в движении нестяжателей (последователей Николая Майкова (Нила Сорского)). Нестяжательская критика эгоизма, богатства, их проповедь аскетизма поставляли дополнительные аргументы для обоснования чужеродности предпринимательства и православия.

Вместе с тем, у оппонентов нестяжателей - последователей Иосифа Волоцкого, мы можем найти доводы, обосновывавшие право верующего и церкви,

если и не на ведение бизнеса, то на эффективную хозяйственную деятельность, а также позитивные оценки такой экономики, которая поддерживала союз церкви и государства. Согласно развивавшемуся при этом особому пониманию рациональности, православие могло быть тем ближе к интересам и потребностям отечественного бизнеса, чем ближе бизнес был к идеологии российской государственности. Парадокс заключается в том, что такая государственность в принципе так же чужда духу предпринимательства, как и немодернизированный католицизм. Не удивительно, что важным каналом связи предпринимательства и мировоззрения в России оказалось в одно время старообрядчество, а в другое - коммунизм. Старообрядчество было идейной основой российского бизнеса, конечно, не столько благодаря своей обрядовой традиционности, сколько неконтролируемой церковью как социальным институтом близостью с мифологией и социальным модернизмом. Не случайно В.С.Соловьев усматривал в нем «протестантизм местного предания» в отличие от немецкого «протестантизма личного убеждения». Взаимоотношения православия, в том числе старообрядчества и двоеверия с предпринимательством были противоречивыми. По данным русского ученого XIX века Е.Карповича, российские предприниматели (купцы) не отличались безупречной религиозностью. Характерный пример. В 1611 г. один из них позволил себе бросить в огонь икону св. Николая со словами: «Ты не хотела помочь мне, теперь помоги себе сама». Исследователь прошлого века М.Вяткин сообщал, что по наблюдениям иностранцев, чем усерднее русский торговец крестился при заключении сделки, тем большей была вероятность того, что он собирается обмануть партнера. И наоборот. Именно к государству, персонифицированному в царе, апеллировали русские предприниматели с жалобами на иностранцев и воевод за то, что они обнищали и не могут вести бизнес успешно. (См.: 3). Аргументы, доказывающие несовместимость внерационального православия с предпринимательством, оценки понятий «христианская экономика», «православная экономика», «хозяйственный мир в Библии» как противоестественных (См.: 4) нуждаются в уточнении и поправке на особую православную рациональность, складывающуюся в историческом контексте взаимоотношений православия с государством. Серьезным подспорьем в анализе этого контекста могут быть «Основы социальной концепции русской православной церкви», принятые в 2000 г.. В них под интересующим нас углом зрения внимание привлекают следующие разделы – «Труд и его плоды», «Собственность», «Христианская этика и светское право», «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности».

Из проведенного выше анализа вытекает, что своеобразным фокусом правильного восприятия всего комплекса, поднятых в этих частях социальной концепции проблем, должна быть модель взаимоотношений православия с государством, изложенная в разделе «Церковь и государство». Призывая отдавать кесарю кесарево, а Божие Богу, настаивая на необходимости «уклоняться от абсолютизации власти» (5), указывая на то, что «если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении» (6) современная русская православная церковь, как мне представляется, взывает в каком-то смысле к необходимости очищения государственной жизни от некоторых элементов тоталитаризма. Таким образом, широко распространенное в научной литературе мнение о том, что православие «явилось одним из факторов, приведших к нежизнеспособности российского предпринимательства» (7), можно рассматривать не столько как окончательный вывод, а как лишь промежуточную ступень извилистого поиска нового православного оправдания богоугодности такого предпринимательства, которое санкционировано нетоталитарным авторитарным государством.

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма// Избранные произведения. М. «Прогресс», 1990. С.81

2. Зноско-Боровский М. Православие, римо-католичество, протестантизм и сектанство. Троицко Сергиева Лавра.1992.С.6
3. Экономическая психология. Социокультурный подход. Под ред. И.В.Андреевой. СПб. «Питер».2000
4. Платонов Д. Православие в его хозяйственных возможностях (заметки историка-экономиста)// Вопросы экономики.1993.№ 8.С.84
5. Основы социальной концепции русской православной церкви. М. Юбилейный Архиерейский собор РПЦ.2000.С.11
6. Там же. С.16.
7. Экономическая психология. С.95

Витебский государственный технологический университет